

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е27

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *С. Дудина*

Евтушенко, Алексей Анатольевич.

Е27 Все небеса Земли / Алексей Евтушенко. — Москва :
Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-106260-6

Человечество разделилось. Большинство, решившее под властью Искусственного Интеллекта достичь технологической сингулярности, осталось на Земле. Меньшинство, сохранив веру в Бога и традиционные ценности, отправилось колонизировать Луну, Марс и спутники планет-гигантов. И всё бы ничего, но Искусственный Интеллект, возомнив себя настоящим Творцом, поставил мир на грань уничтожения. И теперь лишь от марсианских колонистов Мигеля Сухова, Конвея О'Доэрти и робота-андроида Георга Пятого зависит, выживет или погибнет их прародина — Земля. А вместе с ней и весь остальной мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106260-6

© Евтушенко А.А., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

ДУЭЛЬ

— Ангард!

Мигель чуть присел на пружинящих ногах, поднял левую руку со шпагой. Он предпочитал испанскую стойку, при которой вторая рука согнута в локте на уровне плеча и направлена вперёд, а не вверх.

Его противник был правой и встал в классическую французскую: правая со шпагой впереди, тело развёрнуто к противнику правым боком, а левая рука изгибается сзади подобно хвосту скорпиона.

— Алле!

«Всё-таки гравигенераторы — это вещь», — пришла в голову привычная мысль. Иначе пришлось бы сейчас драться при естественной марсианской силе тяжести. Шпага в два с половиной раза легче, и сам ты такой же, попрыгунчик. А рефлексы-то прежние, земные. И масса тоже.

«За всю свою историю человечество сделало только три великих изобретения, — обычно говорил дед Мигеля по отцу Василий Игнатьевич Сухов. — Это колесо, душ и гравигенератор».

Мигель был склонен с русским дедом согласиться, но про себя прибавлял ещё два — шпагу и книгу. Первую, как лучший инструмент для совершенствования тела и характера, вторую — ума и души.

Про себя, потому что спорить с дедом было себе дороже. Одно слово — Сухов. Как и Мигель, впрочем. Даром что наполовину испанец.

И вообще, не будь гравигенераторов, люди до сих пор сидели бы на Земле. «И перестали бы называться людьми, — добавил он про себя. — Как те, кто там остался».

Задумавшись, он чуть было не пропустил атаку, встряхнулся и быстро провёл ответную. Так, для разведки. От природы у него великолепно было развито «чувство железа», или *Sentiment du Fer* по-французски, а упорные тренировки развили это чувство почти до сверхъестественной остроты. Это означало, что с помощью двух-трёх батманов — ударов по клинку противника — он легко определял силу и намерения последнего.

Этот был силён, зол и намеревался пустить Мигелю кровь. Как минимум.

Тем лучше — меньше сожалений потом.

Всё началось примерно час назад в баре «Розенкранц и Гильденстерн», что на Римской — месте, где часто собираются художники, актёры и прочая творческая шатия-братия. Мигелю нравилась атмосфера заведения и густое сладковатое и крепкое вино «Бретёр», изготавливаемое на Луне из винограда, выращенного там же. В отличие от дешёвых местных сортов, оно стоило немало. А девушкам во все времена нравились парни, которые не считают денег. Мигель не считал.

Как раз из-за девушки всё и случилось.

Хотя какая Сандра девушка... Двадцать семь лет, на три марсианских и почти шесть земных лет старше Мигеля. Одна из ведущих актрис театра «Гаудеамус»,

который вот уже более десяти сезонов гремит на весь Колониальный Союз Планет Солнечной Системы.

Сандра сногосшибательно красивая (некоторые утверждают, что её ногам недостаёт стройности и длины, но мы подобные мнения решительно отметём за явной некомпетентностью оных), сексуальная и взбалмошная. Ещё и талантливая для полного убойного коктейля. Сейчас на Луне с театром — гастроль. Последняя любовница Мигеля. Или Мигель у неё последний любовник, сразу не разобраться. Они познакомились несколько месяцев назад, когда после премьеры спектакля «Осиный мёд» (хит сезона!) Мигель сумел проникнуть на закрытый банкет и вручил актрисе, исполнявшей главную роль, роскошный букет алых роз и золотое ожерелье-паутину собственного дизайна.

Надо ли говорить, что этой актрисой была Сандра?

Чтобы миновать охрану, страстный почитатель театра вообще и конкретного артистического таланта в частности поднялся без страховки по вертикальной стене на крышу пятого этажа, где шумел банкет. Это, а также цветы и ожерелье произвели на Сандру должное впечатление. Мигель остался на банкете и уже на второй день знакомства оказался у актрисы в постели...

Он только-только заказал у стойки бокал своего любимого «Бретёра», как его хлопнули по плечу.

— Салют, кабальеро!

Мигель повернул голову. Тадеуш Домбровский. Известный в Новом Граде плеябой, спортсмен и красавчик — рекламное лицо межпланетной компании *Strawa Wyborowa*, специализирующейся на выпуске различной еды. Они были шапочно знакомы — пересекались несколько раз на городских и всепланетных

соревнованиях, хотя Тадеуш был чистым шпажистом, а Мигель занимался марсианским пятиборьем (фехтование на шпагах, бег в скафандрах по пересеченной местности на дистанцию пять километров, рукопашный бой, гонки на краулерах, стрельба из пистолета).

— Сервус, — вежливо, но без особого энтузиазма ответил он старым польским приветствием. — Как дела?

— Отлично, — ухмыльнулся тот. — Просто великолепно! Только что подписал новый годовой контракт со Strawa Wyborowa, решил отметить.

Ухмылка Тадеуша не понравилась Мигелю. Было в ней что-то агрессивное и неприятное. Он быстро оглядел зал и тут же заметил столик в углу, за которым расположились двое Тадеушевых дружков-прихлебателей, без которых тот редко появлялся на публике. Имен Мигель не помнил.

Прихлебатели делали вид, что заинтересованно обсуждают меню, но за ту секунду, что Мигель задержал на них взгляд, каждый по разу успел покоситься в его сторону и тут же отвёл глаза.

— Поздравляю, — кивнул Мигель. — Хорошо заплатили? Впрочем, извини, это не моё дело. Что будешь пить?

— А ты что пьёшь?

Мигель ответил.

— «Бретёр»? Серьёзно?— Тадеуш издевательски засмеялся и уселся рядом, с левой стороны от Мигеля. — Пятьдесят водки, прошу пана, — бросил он бармену (в отличие от большинства заведений Нового Града, барменом в «Розенкранце и Гильденстерне» работал человек).

— Одну минуту, — ответил тот.

— А что не так? — спросил Мигель. Худшие его опасения подтверждались — Тадеуш пришёл сюда искать ссоры. Значит, правы были те, кто намекал ему на интерес Домбровского к Сандре. Он не придал значения. Видимо, зря.

— Не мужской напиток, — Тадеуш взял свою водку, сделал глоток, удовлетворённо кивнул. — Впрочем, тебе простительно. Будем, — он протянул рюмку, чтобы чокнуться.

Мигель поставил свой бокал на стойку.

— Ты, Тадеуш, не то место выбрал, чтобы догнаться, — сказал он. — Иди в «Алые пески», там любят таких.

«Алые пески» был баром, где толклись в основном спортивные фанаты и бывшие «звёзды».

— Таких — это каких? — прищурился Домбровский.

— Таких, с... годовым рекламным контрактом в кармане. — Мигель снова взял бокал, отпил вина и начал поворачиваться на табурете лицом к залу. В этот момент Тадеуш сделал якобы неловкое, а на самом деле точно рассчитанное движение своей правой, в результате чего вино из бокала Мигеля выплеснулось ему на грудь. Мигель по своему обыкновению был одет в чёрные брюки и ослепительно белую рубашку от модного в творческих кругах стилиста и дизайнера Дианы Тейлор, и бледно-красные пятна, расплывшиеся по рубашке, отчего-то её не украсили.

— Ой, — сказал Тадеуш со смешком. — Извини. Я такой неловкий.

После чего одним махом опрокинул водку в себя и ослепительно улыбнулся.

Мигель посмотрел на грудь, в бокал, где оставалась ещё как минимум половина. Тут же память услужливо

подбросила: с начала года Тадеуш участвовал в шести дуэлях и во всех одержал победу. Две из шести окончились для его противников глубокой реанимацией.

За Мигелем не числилось ни одной. В прошлом году его шпага уложила восемь человек, из которых один был сыном первого заместителя Председателя Свободного Государства Ганимед. Шум поднялся тот ещё (на Ганимеде дуэли запрещены, и формально сын высокопоставленного родителя находился под дипломатической защитой). Родители Мигеля тоже были не последними людьми в Марсианской Республике, поэтому скандал удалось замять. Но Мигелю пришлось дать слово, что он воздержится от дуэлей как минимум год.

— А если будет задета честь семьи? — спросил он.

— Предоставь это мне, — ответил отец. — Как старшему мужчине в доме.

— А моя?

— Научись отвечать словами, а не ударом шпаги. Разве тебя не этому учат в твоей бурсе?

Бурсой отец называл престижнейший Марсианский институт межпланетных отношений (МИМО), в котором на 4-м курсе учился Мигель.

Слово, данное марсианином, считалось надёжнее любого документа, в том числе и на бумаге. В отличие, к примеру, от лунян или тех же ганимедовцев, среди которых оно, наоборот, почти ничего не значило. А уж семья Суховых и вовсе отличалась в данном вопросе особой щепетильностью.

И вот — на тебе.

Мигель ощутил, как привычно и жарко бросилась в лицо кровь, но сдержался. Слово есть слово. Давши —

держись, а не давши — крепись, как говаривал его русский дед Василий Игнатьевич.

— Трemor, — сказал он сочувственно. — Понимаю. Завязывай с водкой, Тадеуш. И вообще со спиртным. Тебе ещё целый год лицом в Strawa Wyborowa торговать.

— Всё лучше, чем любовницами, — нагло ухмыльнулся Домбровский. — Говорят, у вас с Сандрой договор. Ты ей богатеньких папиков в постель, а она тебе за это половину суммы. Кстати, я бы поучаствовал, уж больно хороша, курва. Пятьсот дублонов, нормально?

Дальнейшее произошло быстро.левой рукой Мигель выплеснул в лицо Тадеушу остатки вина из бокала, а затем сразу же, пока тот не опомнился, правой вlepил ему пощёчину.

Двое прихлебателей вскочили.

Вышибала Игнат — бывший чемпион Луны по вольной борьбе в тяжёлом весе, в мгновение ока преодолел расстояние от стены, которую он подпирал, скрестив на груди руки, до стойки и встал нерушимой скалой между Мигелем и Тадеушем.

— Извините, парни, но только не здесь, — проворчал внятно. Словно медведь-гризли вдруг заговорил.

— Лично я удовлетворён, — сказал Мигель. Поставил бокал на стойку и обратился к бармену. — Повтори, друг.

Тот кивнул, взял бутылку, налил.

— Завтра в десять утра я жду тебя на площадке у западного выхода, — сказал Тадеуш из-за плеча Игната. Странно, в его голосе не слышалось особой злости — так, раздражение, не более того. — Выбор оружия за тобой, поскольку я тебя вызываю.

— Да уж конечно, — Мигель пригубил вино. — Шпага. Дам тебе шанс. Но не завтра. Сегодня. Через, — он бросил взгляд на часы, — сорок пять минут.

— Сегодня не получится...

— Или сегодня, или будем считать, что ты струсил, — Мигель говорил негромко, и народу в этот полуденный час в баре было мало, но он понимал, что слухи о дуэли все равно разлетятся быстро. Очень быстро. До завтрашнего дня родителям точно станет обо всём известно, и тогда отец вмешается. И к гадалке не ходи. Этого Мигель допустить не мог. Мужчина должен сам принимать решения и отвечать за свои поступки. А иначе какой он мужчина?

— Ладно, мальчик, — теперь в голос Тадеуша звучала откровенная угроза. — Сегодня так сегодня. Через сорок пять минут я из тебя дуршлаг сделаю.

Святая Мария, как можно говорить такими штампами? Дуршлаг он сделает. Фу.

— Не могу обещать того же, — сказал он как можно любезнее. — Но памперсы советую надеть. Не люблю вони.

Тадеуш оказался сильным противником. Он был старше Мигеля на два года, опытнее, сильнее физически и выше ростом. Это давало ему хорошее преимущество, которое быстро сказалось — Мигелю приходилось больше отступать и защищаться, изредка контратакуя. Тадеуш нападал. И с каждой новой атакой становился всё уверенней.

Времена, когда фехтовальщики дрались на специальной дорожке и спортивным оружием с фиксатором укола в виде подвижного датчика на острие шпаги и электрического сигнала, ушли в далёкое прошлое. Спираль истории совершила очередной поворот, и

шпага снова приобрела опасную остроту, а дорожку заменила круглая арена с твёрдым надёжным покрытием из пластмонолита. Защиту спортсменов обеспечивали доспехи на основе углерита — гибкие, лёгкие и практически непроницаемые. Во всяком случае, для клинков. Головы бойцов прятались под фехтовальными масками. Они были похожи на старые по форме, но с прозрачной лицевой частью, сотканной из невидимых и прочнейших кристалло-титановых нитей. Плюс соответствующая обувь и перчатки.

В результате травм и ранений, нанесённых оружием, в современном фехтовании стало даже меньше, чем раньше. И уж точно были невозможны случаи из далёкого прошлого, когда шпага или рапира ломалась при нанесении укола и обломок клинка вонзался в живое тело, пробивая одежду и защиту.

Мигель читал, что именно так почти триста лет назад погиб знаменитый русский фехтовальщик, олимпийский чемпион Владимир Смирнов. Кор-а-кор при обоюдной флеш-атаке, клинок противника разлетелся на два куска, словно был сделан из льда, и тот, что остался в руке, пробил маску и вошёл в левую глазницу по самую гарду.

Мгновенная смерть.

Они кружили по арене уже около трёх минут. Мигель безошибочно чувствовал время и понимал, что осталось недолго. Скоро он устанет, и тогда одна из атак Тадеуша пройдёт.

Если не менять тактику.

Дуэльный бой ведётся без доспехов и масок. Или до первой крови, или до сдачи одного из бойцов (шпага — на пол), или до серьёзного ранения. Редко — смерти. Крайне редко. За всю современную историю

дуэлей, насчитывающую уже столетие, на тот свет отправилось двадцать три дуэлянта. Восемнадцать из которых — в первые двадцать лет. Что делать — в те времена не все в достаточной мере владели саморегенерацией и не умели включать на полную резервные защитные системы организма. Да и медицина, прямо скажем, оставляла желать лучшего...

Обманное движение было простым. Но выполнено настолько безупречно и быстро, что Мигель попался.

Переход в форс-режим считался в дуэльном кодексе недопустимым. Тот, кого на этом ловили, рисковал не только абсолютной потерей репутации, но и свободой (уголовное преступление). Но Мигелю показалось, что Тадеуш в этой атаке в форс-режим перешёл. На полсекунды, не больше, но перешёл. И тут же вернулся обратно. Однако этого мгновения ему хватило, чтобы нанести удар, который Мигель не смог отразить. Единственное, что он успел, — по-боксёрски дёрнуться головой назад.

Шпага Тадеуша рассекла кожу на щеке, едва не задев глаз. Полыхнула боль.

Секунданты, вашу мать!

Хотел он крикнуть, но не крикнул. Ему показалось, что форс был, но секунданты не остановили бой. Значит, не было.

Матрёшка в стакане, так и проиграть недолго, причём всерьёз. Бой-то не до первой крови, а до сдачи или серьёзного ранения.

Первое было невозможно, второго очень не хотелось.

Он слизнул кровь с верхней губы. Солёная.

Ладно, попробуем иначе.

Теперь Мигель вовсю изображал испуг и панику. Не так уж и трудно с учётом реальной силы противника.

Батман, ещё батман. Неуверенный и опасливый. На самом деле весьма точный. Мгновенный взгляд на ноги противника. Полшага назад и в сторону, еще полшага... ещё шаг... растерянность... руку со шпагой неуверенно опустить...

Сейчас!

Флеш-атака Тадеуша.

Резкий присед, начищенная до идеального блеска гарда шпаги Мигеля (за оружием надо следить, мальчишки и девочки!) превращается в зеркало, и злой марсианский солнечный зайчик прыгает Тадеушу в глаза. Поляк на долю секунды теряет ориентировку, моргает, и тут же следует выпад навстречу. Вверх под углом в сорок пять градусов.

Никто так не атакует.

Он — атаковал.

Есть!

Шпага Тадеуша вспорола Мигелю левое плечо.

Шпага Мигеля вонзилась Тадеушу в горло.

— Пся крев...

Мигель отступил, зажимая рану правой рукой. Кажется, ничего страшного, хотя и кровит обильно. Главное — рука держит шпагу. А вот рука Тадеуша — нет.

— Курва... забилеш мне... — Тадеуш окончательно перешёл на польский.

Шпага выпала из его руки, глухо звякнула о пласт-монолит.левой рукой он схватился за горло. Между пальцев ручьями хлынула алая кровь. Тадеуш зашатался. Его красивое лицо стремительно бледнело.

Оба секунданта замерли, словно в стоп-кадре.